

Я проснулся от нестерпимо яркого света плоской электрической лампы. Всё тело саднило, а голову разрывали ужасные воспоминания. Крики, шум, взрывы. Да откуда бы им взяться было?! Я же на экзамен опаздывал! Хана моему диплому. А шёл на красный...

Красный... машина... шум. Боже, что я наделал? Чёртова невнимательность, как увлекусь чем-нибудь, вокруг света белого не вижу. Не видел. Да... теперь я вспоминаю всё. Ведь после такого удара, полёта и встречи со стеной дома я жил ещё целую минуту. И это было очень долго...

В любом случае, почему я жив и почему так больно? Нет, не так, если я выжил, то боль логична. Ладно, оглядимся. Если шея не сломана.

— А... м... — простонал я на удивление тоненьким детским голоском. Не сломана, странно. Потёр глаза рукой, отстранил её, грязная, маленькая. Совсем детская. Я перевернулся на живот, соломенные волосы упали на глаза. Желание удивляться и задавать вопросы куда-то пропало после того, как я всё-таки осмотрелся.

Клетка, дети, такие же, как и я, много, двадцать восемь вместе со мной.

— Лео! — сдавленно позвали кого-то, ухо резануло узнаванием, но виду я не подал, лишь тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Не ошибся. Ко мне подползла девчушка лет двенадцати и потрясла за плечо. — Живой! Слава всевышнему! Я думала эти чертовы батарианцы тебя забили насмерть! Зачем ты на них кинулся?

Батарианцы? Где я слышал о батарианцах? Сознание услужливо рисует долговязый и тонкий в талии силуэт в броне. Откуда я знаю батарианцев?

Твою мать. Батарианцы из Эффекта Массы. Пираты, работаровцы, грабители, убийцы. Каждое последующее слово вызывало у меня всё новые вспышки головной боли, а вместе с ними приходили воспоминания.

Они напали на колонию средь бела дня. Просто сели посреди города, зашли в школу, в которой мы учились и выгребли столько детей, сколько влезало в их «Кадьяк». После чего спокойно улетели, постреливая из тяжёлого вооружения просто так. И хохотали. Мы летели уже двенадцатые сутки. Раз в день они бросали нам в клетку мешок с какой-то отвратительной едой, просто чтобы мы не сдохли. Раз в три дня обливали из шланга, хохоча при этом, как будто в биениях слабеньких тел под струей воды было что-то забавное. И раза три за всё время вводили кого-то из клетки. Обрато несчастный не возвращался.

Себя здешнего я тоже вспомнил. Сынок главы колонии. Восемь лет. Чёрт, я даже не знал, как она называется. Долбанная начальная школа, даже в картинках не объяснили детям, где их дом во вселенной, зато каждый день талдычили, что мы граждане Альянса.

Кстати, зовут меня Леонард Гай и мне восемь, а Лёва Гашин, студент физмата девятнадцати лет, почил навеки от собственной невнимательности под колесами малотоннажного грузовика в чужом городе. Бедные родители, все четверо. Странно, рассуждаю по-старому. Видать, моя сучья натура всё ещё при мне. И ладно. Хорошо, что ребенок умер, милый был, добрый мальчик. Родители Алистер и Гинора хорошо о нем заботились и воспитывали. Лучше, чем меня. Ха.. Вот опять долбанная натура... Сколько же в тебе говна, Лёвка?

Я сфокусировал свой взгляд на приблизившемся ко мне лице. Саманта. Кажется, она осталась из нас самая старшая. Вот и следит за нами, как может.

— Я... — Да какое, к чёрту, «я в порядке?!». — Мне больно, Сэм.

— Я знаю, прости, мне тоже. — Такая же грязная и чумазая, как и я, она крепко сжала меня в объятьях и зарыдала прямо мне в волосы. За что же ты извиняешься, чудесная девочка? Меня так тепло не обнимали даже мамы. Я погладил её по руке и лежал не двигаясь, пока дверь клетки не отъехала в сторону. Сэм вздрогнула и сжала меня крепче. Я поднял глаза.

— Проголодались, зверёныши? — Гулким басом грянул вошедший в камеру батар и швырнул на пол мешок. — На вот, жрите.

К мешку никто не бросился. Мы замерли, как кролики перед удавом, замороженно глядя на пирата. Тот усмехнулся совершенно по человечески и обвел нас оценивающим взглядом.

— Хапог, смотри! Сивый-то живой! — Воскликнул он, глядя на меня. На крик прибежал ещё один батарианец, без доспехов, но с пистолетом. "Палач" М6, подсказали мне годы гейминга.

— Да быть не может! Я ж ему спину переломил! — Воскликнул он, глядя мне прямо в глаза. Затем за руку вырвал мою тушку из ослабевших рук, державшей меня девчужки и поднял к своим трём глазам. Верхнего левого не было. — Хм, Я точно слышал хруст.

Я из вредности, а может и из страха дрыгнул ногами.

— Теряю хватку. — Хмыкнул он.

— Да ладно. — Отмахнулся наш тюремщик. — Они так галдели, тебе просто показалось. В конце концов, больше товара — больше денег.

— Ха! Твоя правда, Гирод!

— Или нет. — Прищурился пират на все четыре глаза. — Мы же всё равно сказали Валгу, что буйный пацан спекся.

— Ты прав, через пару часов всё равно будем на Омеге. Можно и пошалить напоследок. Тащи его в рубку, ребята спят, так что ничего не услышат.

— Хе-хе-хе.

Они развернулись и понесли меня к выходу, не меняя моего положения. Поняв, что мне предстоит, я начал активно брыкаться, как сосиска на ветру, право слово.

— Отпустите его! — Да куда же ты лезешь, чистая душа?! Молчи и не отсвечивай! — Пожалуйста! Возьмите лучше меня!

ДУ-У-У-УРА-А-А!!! Вот КУДА ты со своим героизмом лезешь?!

Батары переглянулись.

— Сама напрашивается, — Прокомментировал трёхглазый.

— Двое лучше одного. — И схватив девчонку за ворот, поволок вместе со мной.

На выходе тюремщик оглянулся и шикнул на оставшихся детей.

— Если хотите жить, то скажете, что девчонка меня ударила, если вас спросят. Не то голодом заморю. Х-ыа! — Это так он на них типа рявкнул.

Господи, Сэм, на что же ты подписалась? Зачем ты хотела мучиться вместо меня? Дура-дура-дура! Благородная дура! Думал я с потаённым восторгом.

В кабине пилота было много места. Четыре кресла стояли обращенные к стене, которая представляла собой полукруг с широкими иллюминаторами и многочисленными голопанелями. Пираты тщательно закрыли двери, развернули одно из кресел и бросили на него Саманту, до которой начал доходить пиратский замысел только тогда, когда один начал стягивать с себя броню, а второй забряцал ремнём. Меня же поставили в угол и приказали не рыпаться. И всё, дальнейшее их внимание поглотила Саманта, которую было так приятно бить и избавлять от одежды.

Пушка валялась на полу, но я точно знал, что смогу выстрелить лишь раз. Нужно было что-то другое. Вот! Стена позади меня казалась раем малолетнего альпиниста. Каких-то панелей не было вовсе, вместо них торчали светящиеся и помаргивающие датчики. Имея небольшой вес и чуточку сноровки, я пауком взлетел по стене и перелез на балку над непосредственным местом действия и в руках у меня была прочная пластиковая палочка, которая валялась на какой-то тарелке с объедками.

— Не кусайся, зверёныш! - Снизу раздался хлёткий удар. Девушка отправилась в аут.

— Всё удовольствие испортил, — проворчал трёхглазый.

— Сейчас очнется, — Хохотнул Гирод. — Давай, ты первый.

— Я знал, что ты классный парень, — плотоядно осклабился Хапог.

Тюремщик отступил немного назад и оказался прямо подо мной. Тут то я на него и свалился. Палочка легко вошла ему в верхний левый глаз аж на три четверти, а была она сантиметров двадцать пять. Надеюсь, что мозг у этой тупой скотины всё же есть. Как он взвыыыыыл! Это была долгая и протяжная нота, выражавшая одновременно всю боль и удивление корчащегося в предсмертной агонии батарианца. Хорошая нота, жаль, нельзя было насладиться ей в спокойной обстановке. Вместо этого я перекатом ушел в сторону пистолета, поднял тяжеленую машинку на второго и кое как выдавил спуск.

— БАБАМ!!! — Рывкнула ручная гаубица. А меня снесло отдачей к стене. Руки отбило, само оружие сделало сальто и свалилось на пол, но цели я добился. Пирата с развороченной грудной клеткой я наблюдал развалившимся в кресле по соседству с Сэм. Она так и не очнулась, спасибо боги, и почему я в вас раньше не верил?!

Но дело еще не было сделано. Превозмогая тошноту, я принялся грабить тела пиратов и сваливать содержимое карманов в одну кучу. Там скопились два уни-инструмента, простеньких, даже я разобрался, какая-то хрень из еды и пара кредитных чипов, общей суммой где-то триста единиц. Кстати, я заметил, что понимаю далеко не все слова, но читаю быстро. Наверное, это из-за того, что знание детское, а сознание уже сформировано. На верх небольшой кучки лег нож. Небольшой, острый с шершавой рукояткой, он то и решил мои дальнейшие действия.

Звукоизоляция у дверей была шикарная. А помещений в корабле не так много. Меня интересовали каюта капитана и спальный блок. По корабельному времени была глубокая ночь, так мне подсказал инструмент трехглазого. Спали все кроме уже мертвой вахты. Детский шаг не слышен, нож такой острый, а горло как раз на высоте удара. Я ходил от кровати к кровати, оставляя за собой удивленных хрипящих пиратов, захлебывающихся собственной кровью и неспособных издать звук хоть сколько-нибудь способный разбудить соседа. Моя жатва сегодня

— девятнадцать трупов.

Выходя из каюты капитана, я устало сполз по стене. Окровавленный нож выкатился из рук и звякнул об пол, а в глазах всё стояло тихое отчаяние пиратов.

— Леонард Гай, восемь лет, творческая работа окончена. — прошипел я и завыл безумным зверем. Но помня слова тюремщика, собрался с мыслями и пошел в кабину пилота. Нож я все-таки взял с собой.

Саманта уже пришла в себя и каким-то странным взглядом смотрела на мёртвых. Меня она встретила крепчайшими полными страха и заботы объятиями, но услышав, как опять упал нож, отстранилась и посмотрела на него. Потом на меня, и снова на него. Я взял клинок, согнул руку в локте и вытер лезвие. Лохмотья сразу пропитались, кожа ощутила холодную влагу. Тяну его девочке рукоятью вперед.

— Пусть у тебя будет. Иди к детям. — Девочка глянула мне в глаза, что-то там увидела, взяла нож и ушла, на ходу пытаясь спрятать его в остатках одежды. Хм, я только сейчас заметил, что у неё длинные волосы. Чёрные.

Панель вызова загорелась, как только я стащил трупы в угол. Я уселся в кресло, благо вся кровь с батара оказалась на полу, а до него я ногами не доставал.

— Гегемон 237, Гегемон 237, на связи Омега. — Заговорил диспетчер. Если судить по голосу — турианец. — Сообщите цель прилета.

— Не знаю. — Просто ответил я.

На какое-то время повисло молчание. Потом немного охреневший турианец уточнил.

— То есть как?

— Ну вот так. — Ну а что? Что я ему отвечу?

— Кончай прикалываться и назовись, а то я просто решу что твоё корыто нуждается в лишних дырках.

И вот тут начинается самое интересное. То есть все мои деяния сейчас могут оказаться совершенно пустыми. Но делать то все равно нечего.

— Дяденька, не надо нас взрывать, я правда, не знаю.

— ЧТО?! Ребёнок?

— Да!

— Позови взрослых!

— Никого нету. У нас самая старшая Сэм, ей двенадцать. Дяденька! Спасите нас!

То ли у парня случился разрыв шаблона, то ли сердечный приступ, но он не выходил на связь минут десять. А я звал и плакал в рацию. Наконец, мне ответили. Но таким голосом, от которого всё внутри похолодело. Голос женский низкий грудной и властный. Я уже слышал его

в игре. Честно сказать, в голове так и крутились три слова, вспоминаемые всеми поклонниками «Массы» при упоминании Омеги. И да, это была Она.

— Говорит Ария Т`Лоак. Назовись или я разнесу твоё долбанное корыто!

— Тётяшка не надо! Нас тут двадцать восемь детей, самой старшей двенадцать, не стреляйте!

— Где взрослые?

— Больше никого не-е-е-т! — Заверещал я, поддаваясь детской панике. На крик прибежала Саманта, благо переборки оставались открытыми.

— Алло! Вы нас слышите?! — Радостно вскричала она.

— Да, кто говорит?! — Омега пыталась справиться с бешенством.

— Это Саманта Уокер! Прошу помощи!

— Старшенькая? — Уточнила Ария.

— Д-да!

— Ну хоть так. Объясни мне, девочка, кто вы чёрт возьми такие?!

— Мы... — Сэм замялась, но всё же ответила. — Мы груз батарианских пиратов.

— Тааак. Уже проще. А где сами пираты?

— Он... — Девушка покосилась на меня, и я кивнул. — Лео убил их. Всех.

— И кто же такой этот непобедимый Лео. И почему он боится радио?

— Лео сидит рядом! Вы с ним уже разговаривали.

Потянулась томительная пауза. Потом снова раздался этот удивительно мощный голос.

— Ладно, детки, я вам поверю. На этот раз. И не дай Богиня, вы МНЕ солгали. Корабль уже под управлением моей диспетчерской. Даю видеосвязь.

Перед нами раскрылась большая голопанель, на которой мы увидели, как на балконе в блеске светомузыки стоит сногшибательного вида азари в обтягивающих штанах и белой жилетке а рядом батарианец. Увидев его, Сэм вздрогнула, а я поджал губу.

— И вправду дети. — Хмыкнула синяя, потом ткнула пальцем в батара. — Это такие вас захватили? Пусть ответит мальчик.

— Да, они были батарианцами. — Пропищал я сквозь дрожь.

— Прикинь, Брэй, пацан в одиночку завалил всех твоих сородичей на корабле. Сколько там их было?

— Девятнадцать.

— Конец связи.

Последнее, что я увидел, было донельзя ошарашенное лицо батара.

<http://tl.rulate.ru/book/91993/2961887>